

·thebigbook·

Книги Питера Мейла

Год в Провансе

•
Прованс навсегда

•
Отель «Пастис»

•
Собачья жизнь

•
Приключение на миллион

•
По следу Сезанна

•
Еще один год в Провансе

•
Франция:
Путешествие с вилкой и штопором

•
Хороший год

•
Прованс от А до Z

•
Франция:
Приключения старого вина

•
Исповедь булочника:
Путешествие с вилкой и штопором

•
Франция:
Сладкая жизнь

•
Марсельская авантюра

ПИТЕР МЕЙЛ

Прованс навсегда

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
М 45

Peter Mayle
TOUJOURS PROVENCE
Copyright © 1991 Escargot Productions Ltd.
All rights reserved

Перевод с английского Юрия Балаяна

Оформление обложки Виктории Манацковой

© Ю. А. Балаян, перевод, 2013
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-10141-8

Джеши, как всегда, а также всем друзьям и доброжелательным помощникам — Мишелю из Шатонефа, Мишелю из Кабриера, соседям Анриетт и Фостену, охотнику за трюфелями Алену, Кристоферу, Катрин, Бернару — mille mercis¹

¹ Множество благодарностей (фр.).

Les invalides¹

Съездил я однажды в Апт, в аптеку, купил там зубную пасту и масло для загара, совершенно невинные припасы для абсолютно здоровых людей. Вернувшись домой и вынув их из пакетика, я обнаружил, что девушка-провизор добавила к покупке весьма познавательный, но несколько озадачивающий информационный материал: роскошно отпечатанную красочную рекламную листовку. Главным героем иллюстрации оказалась восседающая на унитазе улитка. Поникшие рога, потухший взор, обвисшие щеки... Выражение физиономии и осанка улитки красноречиво свидетельствовали, что несчастное существо уже приросло к сангигиеническому приспособлению, тщетно пытаясь достичь какого-либо, извините, результата. Надпись над картинкой гласила: *La Constipation*. (Запор.)

Чем заслужил я такую честь? Неужто у меня столь натужное обличье? Или моя покупка — зубная паста и масло для загара — подсказала опытному глазу фармацевта, что пищеварительный тракт у меня не в порядке? Может быть, мадемуазель прозрела нечто сокровитное от взгляда моего? Я принялся за чтение рекламы.

¹ Калеки (*фр.*).

«Нет явления более банального и широко распространенного, чем запор». Такими словами начинался текст, согласно содержанию которого около двадцати процентов населения Франции страдали от *ballonnement* и *gêne abdominale*, то есть от вздутия живота и иных желудочно-кишечных расстройств. Однако, с точки зрения наблюдателя, менее подкованного в медицине, нежели ученый автор листовки, прохожие на улицах, посетители кафе и баров — и даже ресторанов — отнюдь не проявляли признаков мучившего их *ballonnement*, дважды в день беззаботно приступая к весьма масштабным трапезам. Или же они проявляли завидную стойкость и выдержку перед лицом грозного недуга.

Я всегда считал Прованс одной из наиболее здоровых местностей мира. Воздух чист, климат сух, фрукты и овощи в изобилии, готовят здесь на оливковом масле, слова «стресс» не знают, что это такое, не ведают — трудно найти сочетание более благоприятных факторов в таком изобилии. И народ выглядит очень неплохо. Но если двадцать процентов этих здоровяков, на аппетит не жалующихся, страдают от заторов в *transit intestinal*¹, какие еще недуги в них таятся? Я решил обратиться к теме заболеваний, характерных для данной местности, и борьбы с ними. Постепенно выяснилось, что действительно некое недомогание весьма распространено здесь, да, похоже, и по всей стране. Имя этой хвори — ипохондрия.

Французы никогда не чувствуют себя плохо, однако частенько случаются у них всякого рода *crises*,

¹ *Здесь*: кишечный транзит (фр.).

то есть они «переживают кризисы». К наиболее популярным у населения можно отнести *crise de foie*¹, при котором печень наконец восстает против постоянной бомбардировки пастисом, трапезами из пяти блюд, рюмашками виноградной водки *marc* и бокалами *vin d'honneur*², по случаю... Впрочем, всех случаев не перечислить: от открытия автомобильного салона до ежегодного съезда деревенской ячейки коммунистической партии. Самый простой вариант лечения — воздержание и промывание организма минеральной водой — в расчет обычно не принимается, ибо недостаточно подчеркивает тяжесть ситуации. Обычно страдалец отправляется в аптеку и консультируется с доброжелательным и предупредительным экспертом в белом халате, сочувственно улыбающимся ему из-за прилавка.

Когда-то я удивлялся, для чего в большинстве аптек между бандажами и наборами для исцеления целлюлита рядком выставлены стулья. Теперь понял: для того чтобы удобнее дожидаться, пока месье N. покончит с перечислением донимающих его недугов, сопровождаемым потиранием воспаленного горла, чувствительной почки, заснувшей кишки либо иного взбунтовавшегося места любимого организма, а также с рассказом о том, как дошел он до жизни такой. Фармацевт терпеливо слушает, иногда кивает, иной раз и вопрос задаст, затем предлагает ряд вариантов исцеления, предьявляет страдальцу красивые упаковки с таблетками, пилюлями, ампулами, флакончиками. Обсуждение достигает

¹ Печеночные колики (фр.).

² Здесь: честное вино (фр.).

следующей стадии, приводит к принятию решения, и вот уже месье N. аккуратно складывает листочки, дающие ему право требовать от системы социального страхования возврата большей части затраченных на лекарства средств. Каких-нибудь пятнадцать-двадцать минут — и вы можете пересесть на следующий стул.

Посещение аптеки — привилегия наиболее крепких из заболевших. Для серьезно заболевших — или вообразивших себя тяжелобольными — даже в самом глухом захолустье вроде нашего существует сеть первой помощи, поражающая приезжающих из крупных городов, где лишь миллионер может позволить себе поболеть с комфортом. Все городки и большинство деревень могут похвастаться своими круглосуточными службами скорой помощи. Дипломированные медсестры приходят на дом. Врачи (!) посещают на дому. Слыханное ли дело в Лондоне?

Непродолжительный, но интенсивный контакт с французской системой здравоохранения мы пережили в начале прошлого лета. В роли подопытного кролика выступил Бенсон, молодой американец, впервые попавший в Европу. Когда я увидел его на железнодорожном вокзале в Авиньоне, он прохрипел: «Хелло», закашлялся, прижал ко рту платок. Я участливо осведомился, что с ним.

Он ткнул большим пальцем в свое сипящее горло.

— Моно, — изрек он.

Моно?.. Я, разумеется, не понял, но и не удивился. Ведь известно, что у американцев болезни куда сложнее наших. Вместо синяков у них гематомы,

голова у них никогда не болит, но зато то и дело донимает мигрень, а вместо вульгарного насморка обычно воспаляется носоглотка. Поэтому я примирительно пробормотал, что наш свежий воздух скоро все излечит, и усадил гостя в машину. По дороге я узнал, что «моно» означает фамильярное прозвище мононуклеоза — вирусной инфекции, вызывающей неприятные ощущения в горле.

— Как битое стекло... — просипел страдалец из-под платка и темных очков. — Надо брату в Бруклин брякнуть, он врач...

Дома мы обнаружили, что телефон не работает. Начинался удлинённый праздничный уик-энд, так что по меньшей мере три дня нам предстояло прожить без телефона. Оно бы только в радость, но контакт с Бруклином — дело святое. Ибо существует какое-то средство против «моно», настоящее, научное, современное. Я отправился к телефонной будке в Ле-Бомет и кормил ее пятифранковыми монетами, пока в какой-то бруклинской больнице искали брата Бенсона. Тот сообщил мне название чудо-лекарства, и я позвонил заодно и здешнему врачу, попросил навестить больного.

Врач прибыл в течение часа и осмотрел страдальца, скрывшегося от дневного света в затемненной комнате, но оставшегося на всякий случай в темных очках.

— *Alors, monsieur...*¹ — начал доктор, но Бенсон сразу его прервал:

— Моно. — И он повторил указующий жест большим пальцем.

¹ Итак, месье... (фр.)

— *Comment?*¹

— *Моно. Мононуклеоз.*

— *Ah, mononucléose. Peut-être, peut-être*².

Врач осмотрел горло, достал тампон, взял мазок на анализ. Науке предстояло сказать свое веское слово. А теперь не соблаговолит ли месье спустить брюки? Бенсон нерешительно принялся сдирать с бедер прилипшие к коже джинсы от Келвина Кляйна, исподлобья стреляя глазом на появившийся в руках врача одноразовый шприц.

— Скажите ему, что у меня почти на все антибиотики аллергия. Ему надо с моим братом потолковать.

— *Comment?*

Я объяснил проблему и спросил, не скрывает ли докторский саквояж чудо-лекарства. Нет, не скрывает. Мы с врачом переговаривались, разделенные обнаженными ягодицами Бенсона, содрогавшимися от надрывного кашля. Врач сообщил, что больному следует ввести что-то, сдерживающее воспалительный процесс, что побочные явления от этого укола крайне маловероятны. Я передал информацию Бенсону.

— *Ладно, пусть колет...*

Он подставил цель, и доктор жестом матадора всадил ему шприц в мягкое место.

— *Voilà!*

Бенсон ревниво прислушивался к реакции организма на укол, оглядываясь в поисках надежного места приземления на случай внезапной потери

¹ Как? (*фр.*)

² А, мононуклеоз. Возможно, возможно (*фр.*).

сознания, а врач сказал мне, что закажет посещение медсестры, два укола в день до субботы, когда поступят результаты анализа и можно будет прописать нужное средство. Он пожелал нам *bonne soirée*¹, на что Бенсон ответил залпом из-под носового платка. Я подумал, что *soirée* вряд ли окажется *bonne*.

Сестра посещала пациента согласно обещанию врача, в субботу поступили результаты анализа. «Молодой месье» оказался прав. Его донимал *mono-nucléose*, с которым предстояло справиться славной французской медицине. Доктор, движимый поэтическим вдохновением, настроил рецепт, еще один, еще... Готовилось массированное наступление фармакопеи на мононуклеоз Бенсона. Врач передал мне стопку рецептов и пожелал *bon* уик-энда, что также представлялось маловероятным.

Воскресенье, праздник — не самое удобное время для посещения аптеки в сельской Франции. Единственной доступной в округе оказалась *pharmacie de garde* (дежурная аптека), на окраине Кавайона. Я прибыл туда в половине девятого и застал перед закрытой дверью господина со стопкой рецептов, почти столь же толстой, как и у меня. Мы вместе полюбовались вывешенной за дверным стеклом табличкой. Открыться обещали в десять.

Мужчина вздохнул, оглядел меня с головы до ног и осведомился, что у меня болит.

Выяснил, что я забочусь о знакомом, кивнул и сообщил, что сам он страдает артрозом левого плеча, а на ногах у него завелся зловередный грибок. Стоять полтора часа на усиливающейся жаре ему не

¹ Добрый вечер (*фр.*).

хотелось, он опустился на мостовую, уселся поудобнее, принялся за изучение своих рецептов. Том первый, глава первая. Я решил отправиться куда-нибудь позавтракать.

— Не задерживайтесь, — посоветовал мужчина, отрываясь от рецептов. — Народу наберется тьма.

Откуда ему знать? Неужели воскресное утро — такое уж привлекательное время для посещения аптеки? Я поблагодарил его, но советом пренебрег и провел время в кафе, уткнувшись в старый номер «*Le Provençal*».

Вернувшись к десяти, я застал перед дверьми аптеки *le tout Cavillon* (весь Кавайон). Десятки обладателей толстых пачек медицинских предписаний оживленно гудели и ворчали, обмениваясь своими симптомами с азартом рыбаков, обсуждающих удачный улов. Месье *Angine* хвастался воспаленным горлом. Мадам *Varice* парировала захватывающей историей своих варикозных конечностей. Недужные и увечные бодро болтали, не забывая поглядывать на часы и подтягиваясь все ближе к запертой двери. Наконец под нестройный аккомпанемент «*enfin*» и «*die arrive*»¹ из глубин аптеки появилась молодая леди. Она открыла дверь и отскочила в сторонку, избегая хлынувшей внутрь толпы. Не в первый раз я убедился, что англосаксонская привычка упорядоченной очереди Франции чужда.

Прошло около полчаса, прежде чем я, воспользовавшись увлеченностью присутствующих рукопашной схваткой, изловчился и использовал возникшую брешь, сунув свою пачку в окошечко.

¹ Наконец, идет (*фр.*).

Провизор подхватила полиэтиленовый фирменный пакетик и принялась заполнять его коробками и флаконами, штампуя рецепты, оставляя копию себе и возвращая оригинал мне. Пакет почти наполнился, когда она вдруг исчезла на пять минут, по возвращении же констатировала, что запас одного из средств у них исчерпан, мне придется поискать это лекарство в других аптеках. Однако чуть не лопающийся от веса лекарств сверток, казалось, смог бы поднять на ноги полк после кровопролитного сражения.

Бенсон принялся увлеченно сосать, глотать, вдыхать, добросовестно трудился над всем меню. На следующее утро он уже ощутил в себе силы сопроводить нас в аптеку в Менерб, дабы добыть последнее из прописанных лекарств.

Там уже находился один из деревенских старожил, ожидая свой пакет с волшебными средствами. Заинтересовавшись, какие экзотические болезни донимают чужестранцев, старик не торопился покинуть свой насест. Он направил нос в нашу сторону и замер, наблюдая за поисками нужного нам зелья.

Аптекарь открыла упаковку, вынула оттуда предмет размером с солидную таблетку Алка-Зельцер и подняла на уровень носа Бенсона.

— *Deux fois par jour*¹.

Бенсон ошалело замотал головой.

— Такая здоровенная... Мне не проглотить.

Мы перевели его реакцию аптекарю, но, прежде чем она смогла ответить, старик разразился скри-

¹ Два раза в день (*фр.*).

пучим хохотом и чуть не рухнул с табурета вместе со своим свертком. Бедняга корчился и утирал глаза тыльной стороной узловатой кисти.

Госпожа фармацевт улыбнулась и слегка покачала перед носом Бенсона таблеткой, вызвавшей столь бурную реакцию.

— *C'est un suppositoire*¹.

Бенсон по-прежнему ничего не понимал. Дед, все еще смеясь, сполз с табурета, подошел к нам и вынул суппозиторий из пальцев провизора.

— *Regardez*, — обратился он к Бенсону, — *on fait comme ça*².

Шагнув в сторону, чтобы обеспечить себе простор движений, он согнулся, подняв свечу над головой, и, совершив размашистую дугу, всадил ее себе в штаны на заднице.

— Чпок! — смачно комментировал он жест, выпрямился и уставился на Бенсона. — *Vous voyez?*³

— В ж... В задницу? — Бенсон не мог этого постичь. — Во дают!.. — От неожиданности он даже очки от солнца снял и на всякий случай отступил на пару шагов. — У нас так не делают.

Мы попытались втолковать ему, что анальная свеча — очень эффективный способ введения медикамента непосредственно в кровоток, но сомнений его не рассеяли. Когда мы добавили, что уж горлuto этот способ введения никак не повредит, он не развеселился. Я постарался тогда представить — и

¹ Это свеча (фр.).

² Глянь, во как это делается (фр.).

³ Видите? (фр.)

пытался вообразить впоследствии, — что он расскажет своему брату-врачу в Бруклине.

Вскоре после визита в аптеку с Бенсоном я встретил в лесу соседа Массо и рассказал ему об инциденте. Он признал курьезность этого происшествия, но тут же припомнил эпизод, исполненный истинного драматизма, случившийся с человеком, который отправился в больницу, чтобы вырезать аппендикс, а очнулся от наркоза с ампутированной левой ногой. *Beh oui*.

У меня автоматически вырвалось, что это невозможно, на что Массо печально покачал головой.

— Если я заболею, к врачам обращаться не буду. Пойду лучше к коновалу. С ветеринарами знаешь, что к чему. А врачи — нет у меня им веры.

К счастью, представление Массо о французской медицине настолько же мало отвечает действительному положению вещей, как и большинство остальных его воззрений и убеждений. Возможно, есть в Провансе рьяные врачи-ампутанты, но мы с такими ни разу не сталкивались. Собственно, кроме случая с мононуклеозом, мы лишь раз за все время контактировали с врачом, да и то чтобы преодолеть острый приступ «бюрократита».

Горы бумаг пришлось нам переворочить, чтобы получить наши *cartes de séjour* — удостоверения иностранцев на право проживания во Франции. В мэрию, в *prefecture de police*, в налоговую службу, опять в мэрию... Везде требовалась еще одна бумага, последняя, окончательная, которую, *naturellement*¹,

¹ Естественно (*фр.*).

следовало получить в ином месте. Наконец, когда мы уже твердо верили, что все пути исхожены, все сертификаты, аттестаты, декларации, анкеты, фото нами собраны, мы, торжествующие, отправились в мэрию.

Наши досье тщательно проверили. Казалось, все в полном порядке. Мы не представляли угрозы для французской государственности. Не связаны с уголовным миром. Не собирались мы и конкурировать с французскими трудящимися на рынке труда. *Bon. Very good*¹. Отлично. Наши папки закрылись, можно вздохнуть с облегчением.

Однако секретарь мэрии, мило улыбнувшись, достает еще два формуляра. Необходимо еще медицинское заключение. Что вы здоровы телом и духом. Доктор Фенелон в Боньё очень быстро завершит все формальности.

И мы отправились в Боньё.

Доктор Фенелон оказался воплощением доброжелательности. Он быстро просветил нас рентгеном, заполнил наши анкеты. Мы ведь не сумасшедшие? Прекрасно. Он нам охотно верит. Эпилепсией не страдаем? Нет. Наркотики? Алкоголизм? Головокружения, внезапная потеря сознания? Я ожидал вопроса о деятельности кишечника — из чувства тревоги о предохранении от роста численности страдающих запором, — но его иммиграционные службы почему-то оставили без внимания. Мы подписали свои анкеты. Доктор Фенелон тоже их подписал. Затем он открыл ящик стола и вынул еще два листа.

¹ Хорошо (*фр.*); очень хорошо (*англ.*).

Доктор Фенелон улыбнулся с извиняющимся видом.

— *Bien sûr, vous n'avez pas le problème, mais...*¹ — Он пожал плечами и объяснил, что нам следует отправиться в Кавайон и сдать кровь на анализ, чтобы получить наши *certificats sanitaires*².

Мы поинтересовались, берется ли анализ на что-то определенное.

— *Ah, oui...* — Он снова пожал плечами и вздохнул: — *La syphilis*³.

Английский *écrevisse*⁴

«Сочинительство — жизнь собачья, но единственная, которой стоит жить».

Это высказывание Флобера невольно приходит в голову, если проводишь день за днем в попытках упорядоченно выстроить слова на бумаге. Занятие это чаще всего одинокое и монотонное. Порой усилия вознаграждает удачная фраза. То есть фраза, кажущаяся вам удачной, ибо подтверждений со стороны вы в момент создания ее не получаете. После длительных периодов бесплодия вы решаетесь сменить род занятий, обратиться к чему-либо более существенному и значимому — например, стать дипломированным бухгалтером. Мучают страхи, что написанное вами никого не заинтересует, охваты-

¹ Конечно, у вас все в порядке, но... (фр.)

² Медицинские свидетельства (фр.).

³ О, да... Сифилис (фр.).

⁴ Рак (фр.).

вает паника от нарушения вами же установленных сроков, а также разочарование тем, что нарушение этих сроков никого, кроме вас, не волнует. Тысяча слов в день или чистый лист — тоже никого не трогает. Перечисленное, без сомнения, делает жизнь собачьей.

Убеждает в том, что так жить все же стоит, счастливое открытие того, что ты, оказывается, развлекал продуктом своего труда в течение нескольких часов жизни какого-то неизвестного тебе человека. А если вдруг эти незнакомцы начинают тебе писать, то их письма воспринимаешь как аплодисменты. Получение такого письма компенсирует все издержки; мысли о бухгалтерском учете забываются, сменяются размышлениями о новой книге.

Первое письмо я получил после опубликования в апреле «Года в Провансе». Пришло оно из Люксембурга, вежливое, приветливое, полное комплиментов. Я его целый день перечитывал. Автор следующего письма, человек практичный, просил совета по выращиванию трюфелей в Новой Зеландии. Затем письма образовали ручеек со многими источниками: из Лондона, из Пекина, из Квинсленда, из исправительного заведения Ее Величества Вермвуд-Скрабса, от экспатриантов, осевших на Ривьере, с пустошей Уилтшира, с холмов Суррея... Некоторые на голубой тисненой бумаге с водяными знаками, другие на листках, вырванных из учебных тетрадок, одно на обратной стороне карты лондонской подземки. Адресация писем заставляла почтовиков применять дедуктивный метод. Письмо, направленное англичанам в Боньё, нашло нас, хотя жили мы не в Боньё. Но в чемпионы я

произвел адрес «*L'écrevisse Anglais*, Менерб, Прованс»¹.

Письма ободряли, льстили самолюбию, и, если на них имелся обратный адрес, я отвечал, считая, что на этом все и закончится. Однако ошибся. Вскоре мы заняли незаслуженное положение абсолютных знатоков жизни Прованса. У нас просили совета по поводу покупки дома, спрашивали, как найти сиделку для ребенка. Из Мемфиса позвонила женщина, чтобы поинтересоваться, как в Провансе обстановка с преступностью. Фотограф из Эссекса спросил, сможет ли он заработать на жизнь, фотографируя в Любероне. Супружеские пары, собираясь переселиться сюда, присылали вопросники на нескольких страницах. Смогут ли их дети приспособиться к программе местной школы? Во что обходится жизнь? Как в Провансе с медициной? Высоки ли налоги? Не мучает ли одиночество? Обретут ли они счастье? Мы отвечали как могли, хотя чувствовали себя неловко, не желая влиять на личные решения совершенно незнакомых людей.

Затем наступило лето, и к письмам добавились посетители.

Жарким сухим днем я пропалывал сад, колотя тяпкой по окаменевшей почве, когда к дому подкатил автомобиль, водитель которого, сияя улыбкой, показал мне экземпляр книги.

— Я вас вычислил. Совсем несложно. Немножко поработал детективом в деревне.

¹ Читатель-англичанин, видимо, имел в виду *escrivain*, т. е. «писателю», но не учел характерной для французского языка огромной разницы между фонетикой и орфографией. Получилось: «английскому раку».

Я подписал книгу, чувствуя себя уже совершенно состоявшимся автором. Вернувшаяся из Кавай-она жена тоже порадовалась.

— Восторженный почитатель! Прекрасно! Тебе надо было с ним сфотографироваться. Хорошо, что кому-то интересно.

Следующему почитателю, появившемуся через несколько дней, она почему-то не обрадовалась. Мы выходили из дому, собираясь в кафе, и наткнулись в саду на симпатичную блондинку, неожиданно возникшую из-за кипариса.

— Вы — это он? — спросило меня явление.

— Он — это он, — сухо отрезала жена. — Извините, нам пора.

Симпатичные блондинки, вероятно, привыкли к таким реакциям жен. Явление исчезло.

— Это ведь тоже, возможно, восторженный почитатель, — заметил я жене.

— Пусть почитает кого-нибудь другого. А ты убери ухмылку с физиономии.

В течение июля и августа мы привыкли обнаруживать у порога незнакомые лица. Большинство посетителей оказывались людьми воспитанными, вели себя скромно, желания их ограничивались получением автографа. Они благодарили за стакан вина и за возможность посидеть в тенистом дворе; все восхищались каменным столом, который мы все же смогли установить перед домом, хотя и не без затруднений.

— Так вот он какой, стол... — почтительно бормотали они, обходя каменную глыбу и проводя по ее поверхности пальцами, как будто восторгаясь ше-

девром скульптора Генри Мура. Интересно мы себя ощущали, когда нас, наших собак, которым нравилось внимание, и наш дом рассматривали с таким любопытством. К сожалению, наша заинтересованность порой сменялась раздражением, ибо иной визит больше напоминал вторжение.

Однажды после полудня, в самое жаркое время дня, когда температура зашкалила за пятьдесят градусов, некие трое — муж, жена и подруга жены — с носами и коленями, облезающими от загара, оставив машину у въезда, вторглись в нашу обитель. Сморенные жарой собаки спали, ничего не слышали. Зайдя в дом за пивом, я неожиданно для себя наткнулся в гостиной на эту троицу, оживленно беседующую, проверяющую книги и оценивающую мебель. Я удивился. Они — нет.

— А, вот и вы, — сказал муж. — Мы прочитали отрывки в «Санди таймс», решили заскочить.

Только и всего. Ни извинений, ни следа неловкости, ни мысли о том, что мне такой блицвизит может оказаться не ко двору. Книги для автографа у них тоже не оказалось. Они сказали, что подождут тиража в мягкой обложке. Твердый переплет — такое дорогое удовольствие, знаете ли... От них веяло не слишком приятным замесом фамильярности и снисходительности.

Не часто вид людей мне неприятен, но эти трое не понравились с первого же взгляда. Я попросил их покинуть дом.

Щеки и подбородки мужа покраснели до багровости, он запыхтел, как индейский петух, расстроенный известием о надвигающемся Рождестве.

— Мы аж из Сен-Реми прикатили!

Я предложил им укатить обратно, и они ушли, бормоча, что эту книгу они ни за что не купят, что и не собирались ее покупать, а просто хотели глянуть... Тоже музей нашли. Я проводил бесцеремонных господ взглядом до их «вольво», возмущенных и оскорбленных, и подумал, не завести ли ротвейлера.

После этого инцидента вид приближающегося и замедляющего ход автомобиля стал для нас сигналом тревоги.

— Веди себя пристойно, — инструктировала меня жена. — Кажется, входят на участок... Нет, остановились возле почтового ящика.

Позже, отправившись к ящику за почтой, я нашел рядом книгу в пластике, оставленную с целью получить обратно на следующий день с автографом. Подписанная книга в том же пластике легла на крышку колодца, придавленная камнем, и на следующий день исчезла, полагаю захваченная оставившими ее тактичными людьми, не желавшими беспокоить нас без предупреждения.

К концу лета мы уже не оставались единственными, кого навестили читатели. Наш сосед Фостен тоже подписал книгу, немало этому удивившись, потому что, как он выразился, он-то не *écrivain*¹. Я сообщил ему, что люди в Англии прочитали о нем, он снял картуз, пригладил прическу и дважды повторил:

— *Ah, bon?*

Судя по тону, ему известие понравилось.

¹ Писатель (*искаж. фр.*).

Шеф-повар Морис тоже раздавал автографы, и довольно часто. Никогда раньше столько англичан к нему не заезжало, сказал он мне. Некоторые удивлялись, что он и вправду существует, они полагали, что персонаж мною выдуман. Другие заказывали меню по книге, включая заключительный стаканчик *marc*.

Наконец достали и нашего знаменитого сантехника месье Меникуччи, заскакивавшего иногда между своими *œuvres*¹ поболтать с нами о политике, о повадках лесных грибов, о капризах климата, о перспективах сборной Франции по регби, о бессмертном гении Моцарта, а также о последних мировых достижениях в области сантехники. Я подарил ему книжку, показав места, в которых встречается его имя, и сказал, что иные из посетителей выражали желание с ним встретиться.

Он поправил свой шерстяной колпак и ворот старой клетчатой рубашки.

— *C'est vrai?*²

Истинная правда, заверил я его. Его имя даже появилось в «Санди таймс». Может быть, стоит организовать для читателей встречу с ним.

— *Ah, Monsieur Peter, vous rigole*³.

Но видно было, что идея ему по душе, а книгу он, уходя, нес так же бережно, как какое-нибудь хрупкое и дорогое биде.

Голос в трубке звучал, как будто его владелец находился в Австралии, бодро и гулко.

¹ Труды (фр.).

² Правда? (фр.)

³ Шутник вы, месье Питер (фр.).

Мейл П.

М 45 Прованс навсегда : роман / Питер Мейл ; пер. с англ. Ю. Балаяна. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 224 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-10141-8

Питер Мейл прославился на весь мир, когда, оставив размеренную жизнь и успешный рекламный бизнес, уехал на юг Франции, в край, который полюбил всем сердцем и которому посвятил так много прекрасных книг, ставших международными бестселлерами. Он создал своеобразную историю Прованса в романах, художественных путеводителях и энциклопедиях. «Прованс навсегда» — еще одна трогательная, забавная и увлекательная история, в которой автор с юмором и любовью показывает жизнь благословенной французской провинции. Это очаровательный портрет гостеприимной, добродушной и щедрой местности, которая умеет радовать не только гастрономическими изысками, но и дарить незабываемое душевное тепло. И этим теплом и сиянием юга согреты все книги Питера Мейла.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ПИТЕР МЕЙЛ
ПРОВАНС НАВСЕГДА

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Марии Антиповой
Корректоры Валерий Камендо, Маргарита Ахметова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 09.07.2019.
Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 9,87. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93
www.oaompk.ru
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Y-MBB-18168-06-R